

М. О. КОСВЕН

ИЗ ИСТОРИИ ПРОБЛЕМЫ МАТРИАРХАТА

Матриархатом называется тот период первобытной истории, который знаменуется равноправным, в своем дальнейшем развитии и преобладающим положением женщины в хозяйстве и в обществе, а вместе с тем и отражением этих начал в области духовной культуры, в религии, в искусстве. Тем же термином обозначают и самый общественный строй, этому периоду присущий, и данный тип культуры в широком смысле.

Матриархат возникает на известном этапе истории человечества, вслед за начальным периодом первобытного стада, в виде материнского родового строя, и возникновение матриархата неразрывно связано с возникновением рода. Период матриархата, есть, следовательно, ранний период развития организованного первобытного общества. Ему присущи поэтому и ранние, примитивные формы материальной культуры и хозяйства, архаические формы брака и общественных отношений, равно как соответствующие формы духовной культуры.

С развитием производительных сил, в весьма сложном процессе превращения, матриархат сменяется периодом патриархата, периодом отцовского родового строя, в котором преобладающая хозяйственная и общественная роль переходит к мужчине. Таковы два последовательных этапа первобытной истории, таков всемирно-исторический, общий для всего человечества ход его начального общественного развития. Эпоха матриархата составляет, следовательно, универсальную историческую стадию, пройденную всеми народами в их историческом прошлом.

Проблема матриархата имеет свою многовековую историю. Имена француза Лафито, англичанина Миллера, шотландца Мак Леннана, швейцарца Бахофена и американца Моргана являются вехами этой истории. Увенчивающее обоснование получило учение о матриархате в созданной Марксом и Энгельсом обобщающей и всеобъемлющей философии истории, а Энгельс в своем труде «Происхождение семьи, частной собственности и государства» подверг проблему матриархата новой, во многом идущей вперед, разработке. Советская историческая наука, в частности советская этнография, полностью восприняла учение о матриархате, продолжает его разработку и с большой плодотворностью применяет его в своей исследовательской работе, в анализе и истолковании различных сторон культуры изучаемых ею народов.

Далеко не так обстоит, к сожалению, дело в зарубежной науке. Здесь, правда, существует к матриархату различное отношение.

В зарубежном общественном образовании весьма стойко и упорно держится старинная, так называемая «патриархальная теория», согласно которой начальной и неизменной во времени ячейкой человеческого общества была патриархальная семья. Слепые поклонники этой теории, понимая, что учение о матриархате совершенно ниспровергает этот патриархальный тезис, полностью отрицают существование матриархата в каком бы то ни было прошлом и у каких бы то ни было народов, часто вооб-

ще его игнорируют, в лучшем случае — сводят матриархат к «этнографическим курьезам».

Однако перед лицом все умножающихся исторических данных и колоссального количества вновь накопленного этнографического материала, в последнее в особенности время широко распространилось признание матриархата. Но и здесь позиции различны. Весьма немногочислены те авторы, которые признают историческую универсальность матриархата. Большой же частью в учениях различных зарубежных этнографических школ существование матриархата признается только для некоторых «культурных кругов» или некоторых народов. Преимущественно в таких случаях матриархат выставляется уделом «цветных народов». Поскольку, однако, и здесь упорные факты настойчиво говорят об ином и элементы матриархата обнаруживаются и у других народов, как древних, так и современных, а у последних — как в прошлом, так и в настоящем, различные школы и отдельные авторы прибегают к разнообразным «теориям», истолкованиям, объяснениям и пр. Широко применяются здесь гипотезы миграций, заимствований, диффузии и т. д. Так, например, реакционные немецкие ученые элементы матриархата у германцев, о которых неопровержимо свидетельствуют Тацит и многие памятники германского прошлого, пытались объяснить заимствованием у кельтов, а последними — у пиктов. Некоторые американцы, занимаясь изучением данного индейского племени, объясняют обнаруживаемые здесь черты матриархата заимствованием у другого племени, предоставляя своему коллеге, занимающемуся этим другим племенем, объяснить происхождение матриархата там. Не отрицая известного значения и пользы для этнографических исследований упомянутых гипотез, мы не считаем, чтоб эти гипотезы были универсальным средством объяснения всех явлений культуры и чтоб можно было весь исторический процесс сводить только к миграциям, заимствованиям и пр. Человечество имеет и свой константный, органический, всеобщий путь развития. Мы одновременно далеки от утверждения однолинейного, единообразного эволюционного развития всех народов. Каждый народ индивидуален в своем развитии, имеет свою историю. Более того, закон неодинаковости и неравномерности развития, свойственный новым этапам истории народов, в такой же, если не в большей, мере присущ и первобытной истории, вместе с тем и современным этнографическим группам. Именно в этом свете, с этой точки зрения и следует рассматривать разнообразные варианты и проявления матриархата у различных народов.

Мы говорим о проблеме матриархата. Если под словом «проблема» понимать вопрос о самом существовании данного явления или хотя бы о его универсальности, то, как ясно из сказанного, такой проблемы для нас не существует. Под проблемой матриархата мы разумеем обширный круг вопросов, касающихся его возникновения, развития, распада и перехода к патриархату. Все это, равно как вопросы проявления этого строя у отдельных народов, истолкования отдельных его элементов и форм, в частности сохраняющихся в качестве многообразных пережитков, — мы называем в целом проблемой матриархата, подлежащей, после того как основы этого учения заложены, дальнейшему исследованию. Громадный вновь накопленный материал, с одной стороны подтверждающий и ярко освещающий все основные положения учения о матриархате, с другой стороны дающий возможность как представить ряд конкретных форм и вариантов развития матриархата, так и, путем обобщения этого материала, дать историю матриархата, — делает указанную задачу и насущной, и возможной.

Необходимую предварительную задачу такого исследования составляет изучение истории данной проблемы. Помимо того, не требующего аргументации значения, какое имеет история всякой научной проблемы

в качестве введения в ее изучение, история проблемы матриархата представляет особый интерес. Здесь, иногда глухо и скрыто, иногда более чем явно, отражались и в своем существе, и в своей форме, в своих литературных приемах, многообразные направления и течения общественно-политической мысли античности, средневековья, нового и новейшего времени. Здесь встречались, скрещивались и сталкивались различные, далеко не только этнографические, но и политические течения и убеждения. История проблемы матриархата является таким образом в высшей степени характерной и показательной главой из истории научной и общественной мысли.

Нижеследующие страницы представляют собой начальную часть нашей более обширной работы, посвященной истории проблемы матриархата от античности до наших дней.

I

Ликийцы, рассказывает «отец истории» Геродот (484—425 до н. э.), именуют себя по матери, а не по отцу, и на вопрос о происхождении сообщают свою родословную с материнской стороны, перечисляя матерей своих матерей. Все дочери ликийского народа ведут до замужества свободную жизнь, собирая себе приданое, и сами выбирают себе мужей. У исседонов женщины занимают одинаковое положение с мужчинами. У сарматов женщины сохранили воинственность и охотничьи нравы и одеваются по-мужски, ни одна девушка не выходит замуж, прежде чем не убьет врага¹.

Таковы первые в истории нашей проблемы этнографические показания об отдельных чертах матриархата, в том числе первое известие о материнском или матрилинейном счете происхождения. Отнюдь не имея в виду исчерпать тот обильный и разнообразный материал, который можно извлечь из античной литературы на тему о матриархате, приведем лишь наиболее выразительные и притом сыгравшие впоследствии известную историко-литературную роль показания.

Вслед за Геродотом и Гиппократ (470—356 до н. э.) сообщает, что женщины савроматов ездят верхом на лошадях, стреляют из лука, мечут копья и ведут войну. Все это они делают, пока остаются девушками, и не прежде вступают в брак, как убьют трех неприятелей. Избрав себе мужа, савроматские женщины перестают ездить на коне, пока не настанет необходимость в общем походе на войну².

Известен был грекам и ряд народов, во главе которых, в настоящем или прошлом, стояли женщины, Ликийцы, говорит Гераклید Понтийский (IV в. до н. э.), «издавна управляются женщинами» (*ἐκ παλαιῶν γυναικοκρατοῦνται*)³. В свою очередь «Перипл», приписываемый Скилаксу (предположительно — середина IV в. до н. э.), называет савроматов «народом, управляемым женщинами» (*σαυροματῶν δὲ ἑστίν ἑθνος γυναικοκρατούμενον*)⁴. Аристотель (384—322 до н. э.) приписывал женское правление большинству воинственных народов⁵.

Новое указание на матрилинейный счет родства дает Полибий (203—121 до н. э.). У италийских локров, говорит он, знатность определяется по женской, а не по мужской линии, «ибо благородными у них считаются граждане, происходящие от так называемых ста семейств»⁶. Страбон (68 до н. э.—20 н. э.) сообщает, что у кельтов,

¹ Herod., I, 173; I, 96; IV, 26; IV, 110—117.

² Hippocr., De aëre, locis et aquis, XV.

³ Heracl. Pont., De re publ., XV.

⁴ Skylax, fr. 70.

⁵ Arist., Polit., II, 6, 6.

⁶ Polib., XII, 5.

фракийцев, иберов и скифов мужество свойственно не только мужчинам, но и женщинам; у кантабров мужчины приносят приданое своим женам, только дочери получают наследство, а сестры при женитьбе своих братьев снабжают их всем необходимым. Все эти обычаи, замечает Страбон, представляют собой гинекократию (*ἐξαι γὰρ τινὰ γυναικοκρατίαν*)⁷. Вновь сообщает о ликийцах Николай Дамасский (I в. до н. э.), что у них женщины в большем почете, чем мужчины; что называют они себя по матери и наследство оставляют дочерям, а не сыновьям. Тот же автор сообщает, что эфиопы особенно почитают своих сестер, эфиопские же цари передают власть по наследству не своим собственным детям, а детям своих сестер⁸.

Диодор Сицилийский (I в. до н. э.) дает первую в истории характеристику матриархальных отношений древнего Египта. В противоположность обычаю других народов, рассказывает Диодор, законы позволяют египтянам вступать в брак со своими сестрами по примеру Осириса и Исиды. Последняя жила со своим братом Осирисом и после его смерти поклялась никогда не допускать приближения к себе другого мужчины. Она преследовала убийства, правила согласно законам и принесла людям счастье. Все это, говорит Диодор, объясняет, почему царица пользуется у египтян большей властью и почетом, чем царь, и почему у простых граждан муж в силу брачного договора находится в подчинении у жены, и между супругами условлено, что муж будет повиноваться жене⁹. И Диодор оставил ряд указаний на участие женщин в военных действиях. У скифов женщины участвуют в войне наравне с мужчинами, не уступая им в храбрости, и в известные эпохи храбрейшие женщины стояли у этого народа во главе правления. У эфиопов женщины носят оружие и обязаны определенное время отслуживать в войсках. Наконец, и у галлов женщины соперничают в храбрости с мужчинами¹⁰. Помпоний Мела (I в.) сообщает, что у иксаматов женщины занимаются тем же, что и мужчины, и даже не свободны от военной службы. Мужчины этого народа сражаются пехими и стреляют из лука, женщины же — в конном строю, но пользуются не оружием, а арканами, которыми они удавливают врагов, и пока не убьют врага, сохраняют девственность¹¹. Плутарх (50—125) рассказывает о кельтах, что они советуются с женщинами в вопросах войны и мира, и женщины же разбирают у них междуплеменные столкновения¹².

Особое историко-литературное значение имел рассказ Тацита (55—120) о германцах. Отмечая положительные черты личного характера и общественного строя германцев, Тацит говорит, что женщины пользуются у них большим уважением и оказывают известное влияние на мужчин. В семейных отношениях у них господствуют единоженство и супружеская верность. Дяди оказывают у них сыновьям своих сестер такое же внимание, как отцы — детям. Порой эта связь считается более священной и близкой, чем кровное родство (*quidam sanctiorem artioremq; hunc nexum sanguinis arbitrantur*). Поэтому, говорит Тацит,

⁷ Strabo, III, 4, 17—18. Термин *γυναικοκρατία* образован из *γυνή*, «женщина», и *κράτος*, «править», «властвовать»; таким образом в русской транскрипции было бы правильное «гюнайкократия», но мы предпочитаем сохранить установившуюся у нас форму.

⁸ Nicol. Damasc., *Morum mulierum collectio*, in: C. Müller, *Fragm. hist. graec.*, vol. V, pp. 461, 463.

⁹ Diod. Sic., I, 27.

¹⁰ II, 44; III, 8; V, 32.

¹¹ Pomp. Mela, *Chorographia*, I, 114.

¹² Plut., *Moralia*, *De mul. virt.*, VI, *Celtica*. Это сообщение Плутарха повторяет затем Полиэн (II в.), *Stratagemata*, VII, 50.

беря заложников, они требуют скорее племянников, чем сыновей¹³. Мы имеем здесь первое в литературе указание на особую связь между материнскими дядями и племянниками, т. е. тот комплекс, который впоследствии получил наименование *авункулата* (от лат. *avunculus*, «брат матери»).

Античности стал известен и один странный обычай, много веков спустя получивший название *кувады* (франц. *couvade*, «высиживание») и в свою очередь сыгравший известную роль в истолковании проблемы матриархата. Первое, насколько мы знаем, сообщение об этом обычае принадлежит Аполлонию Родосскому (III в. до н. э.), который рассказывает, что когда у тибаренов рождается ребенок, то муж с завязанной головой ложится в постель и стонет, а жена ухаживает за ним¹⁴. То же самое впоследствии сообщает Страбон о кельтиберах¹⁵, Диодор Сицилийский о жителях Корсики¹⁶, аналогичные сообщения содержатся и у некоторых других авторов.

В приведенных показаниях мы находим ряд знаменательных черт особых семейных и общественных отношений, которые античные авторы обнаруживают в известной им этнической среде «варваров»: матрилинейный счет происхождения, свободное и независимое положение женщин, их равноправие с мужчинами, подчас и преобладающее положение в семейных, частно-правовых и общественных отношениях, как особая черта — необычная близость дядей и их сестриных племянников, своеобразный обычай «кувады», у ряда народов — женское правление (гинекократия), а у некоторых — наследование трона по женской линии, наконец, в качестве настойчиво повторяющегося указания — воинственность женщин и их активное участие в военных действиях.

К этому перечню разнообразных черт матриархальных отношений следует присоединить сыгравшее крупную роль в истории проблемы матриархата показание Геродота о свойственной некоторым «варварам» половой свободе или «общности женщин». Так, об эфиопском племени авзов (или авсиев) Геродот сообщает, что они «пользуются женщинами сообща, не живут с ними вместе, а вступают в связь на подобие скота»; подобным же образом у массагетов «хотя каждый женится на одной женщине, но женами они пользуются сообща... Если какой-нибудь массагет пожелает иметь связь с женщиной, то вешает свой колчан перед ее повозкой и спокойно общается»¹⁷.

Античная литература знает еще одну тему, иногда тесно соприкасающуюся с описанием матриархальных порядков, в частности с указанием на воинственность женщин и их участие в военных действиях. Преимущественно, однако, тема эта занимает особое место и к тому же привлекает к себе неизмеримо больше внимания, чем матриархальные порядки. Это — амазонки, народ воинственных женщин¹⁸.

Местопребывание амазонок относится различными античными авторами к Малой Азии, Кавказу, Скифии и Северной Африке. Упоминания и рассказы об амазонках проходят, начиная с древнегреческого эпоса, через всю историю античной литературы. Наиболее значительные сообщения о «народе женщин» принадлежат Геродоту, с его ставшим классическим рассказом о связи амазонок со скифскими юношами, Гиппократу, Лисию (ок. 459—380), Эфору (ок. 405—380) во

¹³ Tacit., *Germania*, 8, 18—20.

¹⁴ Apollon. Rhod., *Argonautica*, II, 1010—1014.

¹⁵ Strabo, III, IV, 17.

¹⁶ Diod. Sic., V, 14.

¹⁷ Herod., IV, 180; I, 216.

¹⁸ Истории легенды об амазонках нами посвящена особая работа, ожидающая напечатания. Мы здесь и ниже останавливаемся на этом мотиве, сыгравшем некоторую, весьма своеобразную роль в истории проблемы матриархата, лишь в той мере, какая необходима для изложения нашей основной темы.

фрагменте, сохраненном у Стефана Византийского, Страбону, дающему ряд соответствующих показаний и впервые сообщающему об амазонках Кавказа в ставшем в свою очередь классическим рассказе об их встречах с гаргареями. Один из наиболее подробных рассказов об амазонках принадлежит Диодору Сицилийскому, дающему к тому же единственное в античной литературе показание об амазонках Северной Африки. Заслуживает внимания сообщение Помпея Трога (I в. до н. э.—I в. н. э.), переданное Юнием Юстином (вероятно, II в. н. э.). Наконец, особое место принадлежит ряду сообщений о встрече с амазонками Александра Македонского; наиболее значительные варианты этой легенды дают Диодор Сицилийский, Плутарх, Флавий Арриан (96—180) и знаменитый «роман об Александре», известный под названием «Псевдо-Каллисфена» (датируется II в. до н. э.), сыгравший особую роль в распространении амазонской легенды в средние века.

Отметим еще, что, помимо своего отражения в исторической литературе, амазонки, принимаясь в качестве исторической действительности, а вместе с тем и пленяя своей экзотичностью воображение античных писателей и художников, составили распространенный сюжет и образ греко-римской художественной литературы, равно как и античного изобразительного искусства.

Самым общим и кратким образом суммируя существовавшие в древности разнообразные версии легенды об амазонках, мы находим здесь два основных варианта: один говорит о народе, состоящем исключительно из женщин, другой — о таком народе, у которого женщинам принадлежит господство, в особенности в военном деле, мужчины же находятся в зависимом, подчиненном положении. От этой традиции надо отличать этнографические сообщения о том, что у того или иного народа женщины участвуют в военных действиях, отличаются храбростью и проч., — сообщения, которые сочетаются с приведенными нами рассказами о матриархальных порядках. Такого рода характеристики дали повод распространенному в последующей литературе наименованию и этих женщин «амазонками».

Как было сказано, мы не имели в виду исчерпать античный материал на тему о матриархате. Обильным образом матриархальная традиция представлена и в античной мифологии, и в античной художественной литературе.

Сделаны ли были в античности какие-либо попытки сопоставить, суммировать и обобщить эти отдельные черты столь своеобразных и вместе с тем столь чуждых греко-римской действительности нравов и порядков?

Надо прежде всего сказать, что хотя античность обладала накопленным ею обширнейшим обще-этнографическим материалом, мы не находим во всей античной литературе, если не считать некоторых замечаний Геродота, никаких этнографических обобщений, никаких попыток дать общую характеристику примитивных форм и отношений. Не знает античность и приема перенесения этнографических данных на первобытное прошлое.

А между тем, определенные представления об этой начальной эпохе истории не только существовали в античной науке и литературе, но и были, можно сказать, широко распространенными, пользовались большой популярностью и привлекали к себе неизменное внимание. Однако представления эти, весь этот круг идей, весь этот, пользуясь недавно пущенным в литературное обращение термином, «примитивизм»¹⁹, ос-

¹⁹ Термином «примитивизм», который с недавнего времени стал циркулировать во французской и американской литературе, называют несколько неопределенным и расплывчатым образом и интерес к первобытности, и самое представление о ней,

тавался совершенно отвлеченным, скорей конструктивным. Этнографические данные здесь не играли, повидимому, никакой роли. Наоборот, представления о первобытном состоянии переносились на «варваров», и этот элемент античного «примитивизма» составляет характерную черту всей античной этнографии.

Античная мысль создала два, можно сказать, противоположных представления о первобытном состоянии человечества.

Одно, идеалистическое, рисует картину «золотого века», картину счастливого детства человеческого рода, когда обильная и щедрая природа давала людям возможность без труда и забот, не зная болезней и бедности, жить «жизнью богов», проводя время «в приятных досугах», в «вечных пирах». Первобытные люди не знали ни зависти, ни вражды, ни междоусобий, ни войны, были честны и правдивы. Царили всеобщая добродетель и любовь, не было поэтому ни законов, ни судей. Преимущественно именно это представление переносится на некоторых «варваров», окрашивая отдельные этнографические характеристики и выражаясь в довольно широко распространенной в античной литературе идеализации некоторых народов, их быта, их отношений²⁰. А последующие авторы (Сенека) уже используют эти этнографические отзывы для иллюстрации и подкрепления своей идеалистической концепции «золотого века».

Другое представление, которое можно назвать натуралистическим, изображало состояние первобытного человечества как мало отличающееся от жизни диких зверей. В бродячих ордах этих полуживотных-полулюдей господствовали только сила и насилие, шла непрерывная борьба, каждый сам брал свою добычу, и власть принадлежала только сильным и смелым вожакам.

Что касается брачных отношений, то, несмотря на противоположность указанных двух представлений, оба они сходились на тезисе о начальном безраздельном «господстве любви». Таким образом, уже в античности создан был тезис о той начальной форме отношений полов, которая впоследствии получила название беспорядочных отношений или промискуитета. При этом первое из указанных представлений придавало этим отношениям характер некоей примитивной идиллии, второе — уподобляло их нравам диких зверей. Переноса и здесь свои идеи в область этнографии, различные авторы, исходя все же, очевидно, из наблюдения подлинных отношений; говоря об отсутствии брака и «общности жен» у отдельных народов, не чужды были своих предвзятых отвлеченных представлений.

Античная мысль создала еще одно знаменательное общественно-

и связанное с этим представлением и его отражающее отношение к отсталым народам, и, наконец, то своеобразное, проходящее красной нитью через длинный ряд веков, начиная с античности и вплоть до XVIII в., идейное течение, которое, идеализируя начальное состояние человечества и будучи связано с критикой современности, классового строя, цивилизации, выражалось в противопоставлении этой современности первобытному состоянию и, в той или иной форме, звало к возврату к первобытности, к «естественному состоянию» и пр. С этим течением мы еще в дальнейшем нашем изложении встретимся. Вопрос о «примитивизме» вызвал и специальную литературу. Для античной эпохи можно указать обширную работу из задуманной содружеством французских и американских исследователей примитивизма серии: A. O. Lovejoy, F. Boas, *Primitivisme and related ideas in antiquity. With supplementary essays by W. F. Albright and P. E. Dumont (A documentary history of primitivism and related ideas, vol. I)*, Baltimore, 1935.

²⁰ Ср. A. Riese, *Die Idealisierung der Naturvölker des Nordens in der griechischen und römischen Literatur*, Heidelberg, 1875; франц. перевод: *L'idéal de justice et de bonheur et de la vie primitive des peuples du Nord dans la littérature grecque et latine*, Trad. par F. Gache et J. S. Piquet, augmenté des notes par l'auteur et les traducteurs, Paris, 1885; K. Thies, *Entwicklung der Beurteilung und Betrachtung der Naturvölker*, Dresden, 1899; K. Trüdinger, *Studien zur Geschichte der griechisch-römischen Ethnographie*, Basel, 1918.

историческое положение, которое сделалось важнейшим тезисом общественно-политической догмы, вошло в «железный инвентарь» классовой мысли и на длинный ряд веков, вплоть до сегодняшнего дня, сделалось идейным соперником, воинствующей антитезой учения о матриархате.

Первыми наиболее влиятельными выразителями этого представления явились два виднейших гегемона античной мысли, Платон и Аристотель.

Ссылаясь на фигурирующую в «Одиссее» характеристику легендарного народа одноглазых циклопов, у которых «каждый безраздельно властвует над своими женами и детьми»²¹, и приводя эти гомеровские строки, Платон (ок. 428—ок. 348 до н. э.) считает их правильным изображением начального общественного состояния всего человечества. Вместе с тем уже этому состоянию приписывает Платон и некую общественную организацию, представляющую собой «династию»; патриархально-родовой строй, выражающийся в господстве наследственных родовых старейшин²². Еще более определенное выражение получила эта идея у другого великого представителя античной мысли, Аристотеля. Первым видом человеческого общения считает Аристотель семью, подчиненную сильной власти; семья является элементарной общественной ячейкой, и в каждой семье старший облечен полномочиями царя. Соединение семей дает «селение», а несколько «селений» образуют «государство»²³. Так, уже в античной древности сложилась та идея начального общественного строя и прообраза классового общества, которая получила впоследствии наименование «патриархальной теории».

Так, наряду с тезисом о господстве в отдаленном, скорей туманном, прошлом «свободы любви», уже самому раннему, сколько-нибудь организованному состоянию человечества античная мысль приписывала существование патриархальной семьи, как основной общественной ячейки. Эта идея патриархальной семьи как первоначальной и неизменной ячейки человеческого общества, как воплощения неограниченной власти отца над женами, детьми и рабами и вместе с тем как воплощения частной собственности, получила безоговорочное признание античной мысли и стала одним из краеугольных камней исторических, общественных, правовых представлений древнего мира.

При таких условиях все те черты общественных порядков и отношений, образцы которых мы выше привели и которые греки и римляне наблюдали в среде «варваров», все эти рассказы о равноправном и даже преобладающем положении женщин у ряда народов, вместе с рассказами об амазонках, ни в коей мере не колеблют охарактеризованное общее представление. Все эти указания на столь несвойственную общественному строю греко-римского мира «гинекократию» остаются в такой мере чуждыми идеологии античного рабовладения, что для исторической и социологической мысли той эпохи матриархат или его отдельные элементы остаются только этнографическими курьезами, наряду с различными этнографическими диковинками, монстрами и пр.

И все же какая-то мысль о былом господстве материнского начала и былом значении матрилинейной родственной связи была, повидимому, не чужда отдельным представителям как греческой, так и римской научной мысли. Так, пожалуй, можно обобщить два следующих, единственных в своем роде, разделенных громадным промежутком времени, показания, которые мы находим в античной литературе.

Первое такое показание дает Гесиод (жил в IX или VIII в. до н. э.), автор знаменитой поэмы «Труды и дни», содержащей изображе-

²¹ Od., IX, 112—115.

²² Plato, Leges, 678—680 E; Respublica, 369 B.

²³ Arist., Polit., I—III.

ние пяти последовательных веков человеческой истории: золотого, серебряного, бронзового, медного и железного. Характеризуя серебряный век, Гесиод говорит о детях «воспитывавшихся заботливой матерью» (*παρὰ μητέρι κηδυνήστροφος*), не упоминая об отце²⁴. Это место Гесиода уже отмечалось и интерпретировалось указанным образом в специальной литературе.

Более убедительно, по нашему мнению, другое показание, на которое, насколько нам известно, не обращалось до сих пор внимания в литературе о матриархате, а именно, весьма любопытное во всяком случае место у Цицерона (106—43 до н. э.). Говоря в своем сочинении «О должностях» о развитии родственных соединений, образующих затем государство, и ведя их от начальной семьи, как зародыша общества, Цицерон говорит далее о соединении братьев, за чем следует соединение детей сестер и детей детей сестер (*sequuntur fratrum coniunctiones, post consobrinorum sobrinorumque*), выделяя таким образом матрилинейный родственный круг²⁵.

II

Патриархальная теория сделалась на долгие века одним из основных тезисов феодальных и буржуазных историко-социологических учений, повторяясь, перефразируясь и толкуясь длинным рядом писателей позднейших времен.

Несколько своеобразную позицию в вопросе о начальной общественной форме занял виднейший властитель средневековой мысли, «блаженный» Августин (354—430). Принимая в своем трактате «О государстве божьем» в качестве первой общественной ячейки, согласно Библии, супружескую пару «прародителей», Августин любопытным образом допускает начальное кровосмешение, поскольку продолжение рода человеческого, вслед за Адамом и Евой, могло осуществиться не иначе, как путем брака между детьми первых двух людей. Поскольку, рассуждал Августин, «других людей, кроме рожденных первыми двумя, не было, мужья должны были брать себе в жены своих сестер», и Адам был одновременно отцом и тестем, а Ева — матерью и тещей. Практика браков между кровными родственниками продолжалась, по Августину, и позднее, будучи отличительной чертой и необходимостью древнейшего времени и лишь впоследствии была запрещена религией. Но обращаясь в другом месте того же трактата к обоснованию необходимости власти во имя порядка и всеобщего блага, Августин исходит из образца патриархальной семьи, в которой муж повелевает женой, родители — детьми, а господа — рабами. Постулируя далее, что домохозяйство должно быть началом или частицей государства (*hominis domus initium sive particula debet esse civitatis*), и возводя в идеал семейную патриархальную власть, осуществляемую и олицетворяемую отцом семейства, Августин учит, что мир домашний является составной частью мира государственного, а отношения власти и подчинения, существующие в доме, обуславливают действие того же начала и в государстве²⁶.

С течением времени, вместе с укреплением светской феодальной власти, взгляд на первобытную патриархальную семью как на прообраз, источник и основу власти государственной все более утверждается и в писаниях более поздних авторов получает все более закончен-

²⁴ Hesiod, *Erga kai hemera*, 130—131.

²⁵ Cicero, *De officiis*, I, 17, 54. Известный свод толкований римского права, составленный в VI веке н. э., «Дигесты», дает следующее определение термина *consobrini* (для женского рода — *consobrinae*): *consobrini consobrinaeque, id est qui quaeve ex duabus sororibus nascuntur, quasi consororini* (*Digest.*, 38, 10, 1 § 6).

²⁶ Augustinus, *De civitate dei*, XV, 16; XIX, 14 и 16.

ное выражение. Ряд веков спустя после Августина другой влиятельнейший представитель средневековой мысли, Фома Аквинат (1227—1274), в трактате «О начале управления», постулируя необходимость высшей власти и защищая принцип монархии, уже категорически формулирует, что государство вырастает из естественной патриархальной власти глав семей, почему цари и именуются «отцами народов»²⁷.

Влиятельнейшим глашатаем патриархальной теории явился в XVI веке французский политический писатель Жан Боден (1530—1596). Свой трактат «О государстве» Боден начинает с определения государства как соединения многих семейств, возглавляемого верховной властью. Семья, которую он изображает, в библейско-патриархальном духе, подчиненной власти отца, является по Бодену источником и основным членом государства, и по этому образцу должна быть организована наиболее совершенная форма государственного управления — монархия. «Гинекократия, — говорит Боден, — прямо противоречит законам природы, которая дала мужчине силу, благоразумие, умение владеть оружием и повелевать, лишив всего этого женщину. Законом божеским решительно предписано, чтобы женщина была подчинена мужчине не только в управлении королевствами и империями, но и в семье каждого частного лица». Называя «гинекократией» всякое государственное управление, возглавляемое женщиной, и распространяя этот термин на соответствующие исторические и современные государства, Боден энергично протестует против такой формы правления и странно изображает все политические несчастья, которые отсюда происходят или могут произойти²⁸.

Так, целиком выражая идеологию феодального строя, патриархальная теория продолжает господствовать на протяжении всего средневековья, не переставая подвергаться разработке и интерпретации все новыми авторами, неизменно опирающимися прежде всего на образцы библейской патриархальной общины и древнеримской семьи. Замечательно, что в тот момент, когда начинается крушение феодального строя, идеологи феодализма вновь цепко ухватываются за эту теорию и дают ей особо широкую разработку. Наиболее энергичным и влиятельным представителем патриархальной теории в XVII веке явился ярый английский монархист Роберт Фильмер (1604—1653), с его трактатом «Патриарха или естественное право королей». Между прочим, от заглавия этого сочинения и происходит, повидимому, выражение «патриархальная теория», вошедшее впоследствии в литературный обиход.

Проводя свои взгляды в двух более ранних сочинениях, Фильмер следующим образом обосновывает патриархальную теорию в названном трактате. Он принимает Библию за неподлежащий сомнению исторический источник и в изображенном здесь патриархальном обществе находит подлинную картину первобытного состояния человечества. Первый человек, Адам, обладал не только отцовской, но, по праву отцовства, и царской властью над своими детьми. Вместе с тем, в качестве единственного в свое время патриарха, Адам обладал неограниченной властью, порученной ему свыше, над всем миром. Таким образом, отцовская

²⁷ Th. Aquinatus, De regimine principum, I, 1. В этом трактате Аквинату принадлежит лишь первая часть, к которой и относятся цитируемые нами положения.

²⁸ J. Bodin, De la république, ou Traité du gouvernement, 1576; I, 1, 2; VI, 5 (Les six livres de la république, Genève, 1629). Здесь и ниже мы везде указываем первое издание цитируемого сочинения, а затем, в скобках, то издание, которым мы пользовались, если первое издание осталось нам недоступным. — Протест против гинекократии как противоречащей божественному и естественному закону находим уже в более раннем трактате Бодена; Methodus ad facilem historiarum cognitionem, etc., 1566, VI (Lugduni, 1591).

власть есть источник всякой власти в силу рукоположения самого бога. Как Адам был господином над своими детьми, так и его дети облечены были властью над своим потомством, и т. д. Власть эта или это «отцовское право» было абсолютным, включая право жизни и смерти. Эту начальную патриархально-деспотическую организацию семьи утверждает Фильмер в качестве прообраза и вместе с тем естественного исторического источника монархической власти. Так, от Адама, по прямому наследственному преемству, «отцовской» властью обладали все патриархи до и после потопа. Все цари и короли, бывшие и сущие, являются подлинными прямыми потомками и наследниками прародителя человечества, наследующими в качестве «отцов народов» неограниченную власть над своими подданными, власть, идущую таким образом исторически от бога и составляющую их естественное право.²⁹

Выразительным образчиком к тому же времени относящейся формулировки патриархальной теории могут служить положения влиятельного английского епископа Ричарда Кемберленда (1632—1719). В трактате «О законах природы» он заявляет, что первый пример общественного соединения есть союз мужчины и женщины, в котором мужчина естественно главенствует, поскольку он обладает большей умственной и физической силой. Не менее бесспорна и отцовская власть. Отсюда следует брать пример и отсюда следует вести происхождение всякой власти, как гражданской, так и церковной. Семья была первым организованным обществом, первым государством и первой церковью.³⁰

Наиболее видными представителями патриархальной теории и одновременно защитниками монархии явились в ту же эпоху во Франции знаменитый церковный оратор и воспитатель дофина, епископ Жак Боссюэ (1627—1704), и известный католический писатель, духовник Людовика XV, аббат Клод Флери (1640—1723). В изданном посмертно сочинении, написанном для дофина, «Политика, извлеченная из собственных слов священного писания», Боссюэ говорит, что первая идея начальствования и человеческой власти заимствована людьми от власти родительской. Повторяя Бодена, Боссюэ рисует возникновение государства в виде соединения ряда семей под властью одного родоначальника (*grand père*) и т. д.³¹ С своей стороны Флери, в сочинении «Нравы евреев и христиан», одном из наиболее популярных произведений католической мысли той эпохи, многократно переиздававшемся и в XVII и в течение чуть ли не всего XVIII века, заявляет, что патриархальная семья была маленьким государством, а отец — подобием царя.³²

Как это можно видеть из приведенных цитат, с патриархальной теорией теснейшим образом связана еще одна имевшая громадное влияние в средние века теория, а именно, так называемая «теория божественного права королей»³³. Мы видим таким образом, что патри-

²⁹ R. Filmer, *The necessity of the absolute power of all kings and in particular of the king of England*, London, 1648; *Observations upon Aristotle's Politics touching forms of government, together with directions for obedience to government in dangerous and doubtfull times*, London, 1652; *Observations concerning the original of government*, London, 1652; *Patriarcha, or The natural power of kings*, London, 1630 (J. Locke, *Two treatises of civil government*, Preceeded by sir R. Filmer's «Patriarcha», London, 1903).

³⁰ R. Cumberland, *De legibus naturae*, 1671, IX, 6 (Editio secunda, Lubece et Francfurti, 1683).

³¹ J.-B. Bossuet, *Politique tirée des propres paroles de l'écriture sainte à monseigneur le dauphin*, Ouvrage postume, 2 vls, Bruxelles, 1710; см. vol. I.

³² Cl. Fleury, *Les moeurs des israélites et celles des chrétiens*, 1682 (Augsburg, 1774).

³³ Этот факт почему-то настойчиво пытается отрицать автор специального исследования: J. N. Figgis, *The theory of divine right of kings*, Cambridge, 1896.

архальная теория выступает не только в качестве чисто теоретического положения, относящегося к первобытности, не только постулирует изначальность патриархальной семьи с родительской властью и пр., а равно не только выводит происхождение общества из этой начальной семьи и происхождение государственной власти. Эта теория с самого начала имеет сугубо политический характер, она выступает в качестве воинствующей политической догмы, имеющей целью обосновать классовое господство и соответствующую организацию государственной власти в ее монархической форме, вплоть до деспотизма. На этой теории сходятся и стоящие на страже монархии князья церкви, и представители светской феодальной мысли, идеализирующие феодальный абсолютизм в образе монарха — «отца народов».

Наряду со столь стойким господством патриархальной теории, глубоко враждебной идеологии феодальной эпохи оказывается идея общественного строя, в котором женщине принадлежит равноправное, а тем более преобладающее место, и вместе с тем вообще идея отношений, сколько-нибудь отклоняющихся от освященной церковью патриархально-моногамной нормы. Этим, повидимому, объясняется следующее любопытное явление. Тогда как средневековые авторы охотно и доверчиво повторяют сообщения античных писателей о людях-чудовищах, собакоголовых, безголовых и пр., рассказы о женщинах, рожавших в пятилетнем возрасте и умирающих в восьмилетнем, и т. д., — в литературе той эпохи, за редкими исключениями, совершенно не воспроизводятся этнографические указания античности на матриархальные порядки.

Так, знаменитый эрудит своего времени, учитель Данте, флорентинец Брунетто Латинио (1230—1294), в составленной им компиляции знаний эпохи, сочинении, в течение ряда веков сохранявшем широкую популярность, — «Книгах сокровищ», лишь мимоходом рассказывает, что в Африке эфиопы и гараманты не знают брака и жены у них общие, вследствие чего никто не знает своего отца, а знает только мать. Поэтому, говорит Латинио, народы эти считаются «самыми низкими на земле». ³⁴

Тогда как античный мир, интенсивно развивая и поддерживая разнообразными связями со своей периферией, обладал, хотя и своеобразными подчас, но все же довольно обширными географическими и этнографическими познаниями, Западная Европа в раннем средневековье оставалась совершенно оторванной от Востока и Юга.

В том широком и глубоком, еще не достаточно изученном и не достаточно оцененном влиянии, которое оказали на культуру Западной Европы арабы, немаловажное место занимает влияние арабских ученых и путешественников на ознакомление Западной Европы со странами Востока. Не будет преувеличением сказать, что арабы открыли Западной Европе Восток.

Именно арабскому ученому, одному из крупнейших средневековых арабских историков, географов и путешественников, Абу-л-Хасан Али аль-Масуди (ум. в 956 г.), принадлежит и первое пришедшее с Востока известие о матриархате. В своем сочинении, озаглавленном «Золотые поля и россыпи самоцветов», Масуди рассказывал, что в Индийском море имеется очень большое число островов (речь идет очевидно о Малайском архипелаге). Все эти острова очень густо населены и повинуются одной королеве, ибо с самых отдаленных времен

³⁴ B. Latino, *Li livres dou tresor*, I, IV, 125. Написанное около 1265 г. на французском языке, сочинение Латинио было широко распространено в рукописях. В итальянском переводе издавалось многократно в XV и XVI вв. Мы пользовались первым изданием французского текста: *Li livres dou tresor*, Publié par P. Chabaille (Collection de documents inédits sur l'histoire de France, No 31). Paris, 1863.

жители этих островов имеют обыкновение не давать управлять собой мужчине. Масуди принадлежит и еще одна крупнейшая историко-этнографическая заслуга: мы находим у него и первое известие о роде и том порядке, который впоследствии получил название э к з о г а м и и. Он сообщает, что китайцы, подобно арабам, делятся на роды и ветви и ведут, сохраняя в памяти, счет своей родословной до пятидесятого поколения, причем члены одного рода не вступают между собой в брак.³⁵

Но наступает время, когда, вслед за арабами, пускаются в путешествия на дальний Восток и европейцы. Наступает эпоха великих путешествий на Восток, приносящих новое расширение замкнутого географического и этнографического горизонта Западной Европы. Европейцы-путешественники приносят, вместе с рассказами о всевозможных восточных чудесах, и удивительные сведения о браке, семье и положении женщин у народов Востока.

Уже первый из великих европейских путешественников в восточные страны, итальянец П л а н о К а р п и н и (1182—1252), побывавший в Монголии в 1246—1247 гг., рассказывал, что у монголов нельзя жениться на сестре от той же матери, но можно жениться на сестре только по отцу; можно также жениться и на вдове отца, но не родной матери, а младший брат обязан жениться на вдове старшего брата. Карпини таким образом впервые сообщает о порядке, который впоследствии получил название л е в и р а т а. Девушки и женщины монголов, рассказывает далее Карпини, ездят верхом и скачут на конях так же ловко, как и мужчины, носят колчаны и луки и стреляют не хуже мужчин.³⁶ Вслед за Карпини, фламандец Вильгельм Р у б р у к (1215—1270), совершивший в свою очередь путешествие в Монголию в 1253—1255 гг., рассказал о другом брачном порядке монголов, а именно, о женитьбе одновременно или последовательно на двух сестрах, т. е. о форме брака, получившей название с о р о р а т а.³⁷ Целый ряд подобного же рода известий сообщает знаменитый венецианец Марко П о л о (1254—1323), путешествовавший по Востоку с 1271 по 1295 г. И Полс рассказывает о существующем у некоторых народов Востока обычае жениться на вдове отца, если она не родная мать, о сорорате, левирате, о женитьбе на тетках, на двоюродных сестрах, впервые таким образом отмечая порядок, получивший наименование кузенного брака. Имеется у Поло и сообщение о куваде.³⁸

Но вслед за этими отрывочными сообщениями об отдельных первобытных брачных порядках появляются в литературе и первые сведения о конкретном матриархальном обществе. Таким, сыгравшим выдающуюся роль в истории нашей проблемы, примером так сказать «живого» матриархата, явился народ, составляющий коренное население

³⁵ Maçoudi, Les prairies d'or, Texte et traduction par C. Barbieu de Meynard et Pavet de Courteilles, 9 vis, Paris, 1861—1877; см. vol. I.

³⁶ I. Plano Carpini, Historia mongolorum quos nos tartaros appellamus, II, 2; IV, 4. Сочинение Карпини было первоначально распространено в рукописях; начиная с 1473 г. стало публиковаться в извлечениях и сокращенных изложениях. Полный текст издан впервые лишь в 1838—1839 гг. (И. П л а н о К а р п и н и, История монголов, Перевод с примечаниями А. И. Малеина, СПб., 1911).

³⁷ Составленное Рубруком в 60-х гг. XIII века описание его путешествия использовалось по рукописным спискам; впервые издано, все же неполностью, в известном собрании: R. Hacluyt, The principal navigations, voyages, traffiques and discoveries, etc., London, 1598 (ряд переизданий). Первое полное издание — в 1900 г. (Путешествие в восточные страны Вильгельма де Рубрука, Перевод и примечания А. И. Малеина, СПб., 1911).

³⁸ Описание путешествия Поло, составленное в 1298 г. и обращавшееся в рукописных списках, было впервые напечатано в 1475 г. (И. П. М и н а е в, Путешествие Марко Поло, Перевод старо-французского текста, «Записки Русского географического общества», т. XXVI, 1902; см. гл. 59, 62, 69, 120, 180).

трех в те времена самостоятельных туземных государств юго-западной Индии, Малабара, Кочина и Траванкора,— наяры.

И здесь первым, насколько мы знаем, известием об этом народе мы обязаны арабскому ученому, одному из наиболее видных арабских путешественников, проводшему в странствованиях по Востоку около тридцати лет, Мухаммеду Ибн-Батуте (1304—1377). Батута сообщал в частности, что правители Малабара оставляют трон сыновьям своей сестры, минуя своих собственных детей.³⁹ Это первое в средневековой литературе известие о матрилинейном порядке наследования престола. Более подробным образом, в XV веке, персидский историк Камаль ал-Дин Абд-ал-Раззак (1413—1482), бывший в Индии в 1441—1444 гг. в качестве посла Шахруха, сына Тимура, сообщает, что у наяров трон наследует сын сестры, а не родной сын или брат или другой какой-либо родственник умершего правителя. Существует, пишет он далее, среди них племя, у которого одна женщина имеет несколько мужей, каждый из которых отдельно ее посещает. Они делят время ночей и дней между собой и доколе кто-нибудь из них остается в доме жены в течение отведенного ему времени, никто другой не может войти. К этому племени принадлежат правители этой страны.⁴⁰

Первым европейцем, сообщающим, вслед за арабами, о наярах, является венецианский купец Николо де Конти, путешествовавший по Востоку с 1419 по 1444 г. Женщины Малабарского берега, говорит Конти, берут столько мужей, сколько им нравится, десять и больше. Мужчина, придя к женщине в ее дом, кладет знак у входа, и другие, видя знак, уже не входят. Наследуют там не дети, а племянники.⁴¹

Рассказ Конти о наярах повторяется в описании посетившего Индию в самом конце XV века геновского купца Джироламо да Санто Стефано, который лишь более отчетливо указывает, что наследуют сестрины племянники, подчеркивая, что это объясняется неизвестностью отца.⁴² Несколько более подробный рассказ о наярах оставил португальский мореплаватель, спутник Магеллана, Дуарте Барбоза (ум. в 1521 г.). Повторяя указание на отсутствие у наяров постоянного брака и многомужество, Барбоза говорит, что дети у них остаются при матери и воспитываются ее братьями. Дети относятся с особым уважением к своим матерям и старшим сестрам, отца же своего они не знают и тот о них не заботится. Наследство переходит не к детям, а к сестринным племянникам. Указывая, что наяры являются военным сословием, Барбоза объясняет, что порядок, по которому отцы избавлены от забот о своих детях, установлен для того, чтоб воины не отвлекались от своего служебного долга.⁴³ Иной вариант рассказа о наярах находим

³⁹ Первый перевод сочинения Ибн-Батуты, и то небольшого отрывка, содержащего как раз описание Малабара, появился на латинском языке в 1819 г.: *Descriptio terrae Malabar, Ex arabico Ibn Batutae itinerario edita, interpretatione et annotationibus instructa per H. Apez, Jenae, 1819*. Полный перевод, которым мы и пользовались: C. Deffrémery et R. R. Sanguinetti, *Voyages d'Ibn Batoutah, 3 édition, 4 vls., Paris, 1893; см. vol. IV.*

⁴⁰ Полного перевода труда Абд-ал-Раззака не существует, на разных языках публиковались лишь переводы извлечений. Цит. по: H. M. Elliot (edited and continued by J. Dowson), *The history of India, as told by its own historians, 8 vls, London, 1867—1877; см. vol. IV.* См. также у H. Müller, *Untersuchungen über die Geschichte der polyandrischen Eheformen in Südindien, Berlin, 1909.*

⁴¹ Описание путешествия Конти впервые напечатано в 1492 г. на латинском языке. Мы пользовались итальянским текстом в новейшем издании: *Viaggi in Persia, India e Giava di Nicolo de Conti, Girolamo Adorno e Girolamo da Santo Stefano, A cura di M. Longhena, con prefazione, note, carte e incisioni, Milano, 1929.*

⁴² Рассказ Стефано напечатан впервые в 1502 г. Мы пользовались текстом в издании Longhena.

⁴³ Рассказ Барбоза напечатан впервые во 2-м издании известного собрания C. B. Ramusio, *Navigazioni et viaggi, в 1554 г., т. I.* Мы пользовались 4-м изданием: Venezia, 1588.

у итальянца Людовико Вартема (или Бартема, годы рождения и смерти неизвестны), пропутешествовавшего по Востоку с 1502 по 1510 г. Вартема говорит о наследовании престола у наяров. Указав, что здесь наследуют, если даже они и имеются, не сыновья, не братья и не сыновья последних, а племянники — дети сестер, Вартема объясняет это тем, что девственность королевы получают брахманы, которые и затем, в отсутствие короля, имеют свободный доступ к королеве. Поэтому наяры считают, что сестра короля — вернее, что она уж несомненно одинакового с королем происхождения и таким образом более достоверны ее дети, чем его собственные. Вартема же сообщает о практикующемся у наяров обычае обмена женами между друзьями и, в свою очередь, рассказывает об их многомужестве.⁴⁴

Наконец, довольно обстоятельное описание наяров дал в середине XVI века португальский историк Фернао Лопес де Кастанхеда (род. в начале XVI века, умер в 1599 г.), проживший около 20 лет в Индии, где служил его отец.

«По законам этой страны, — рассказывал Кастанхеда, — наяры не могут жениться, так что никто у них не имеет известного или признанного сына либо отца, так как все их дети рождаются от наложниц, с каждой из которых три или четыре наяра сожительствуют по взаимному соглашению. Каждый из членов этого собратства живет по очереди один день с их общей наложницей, от полудня одного дня до того же времени следующего дня, после чего он удаляется и является другой на столько же времени. Таким образом они живут без забот и тревог, связанных с женами и детьми, содержа однако своих наложниц соответственно их положению. Каждый может бросить свою даму по своему желанию, и таким же порядком дама может отказаться принимать каждого из ее любовников, когда это ей будет угодно. Все эти любовники — благородного происхождения, из касты наяров, причем, помимо того, что наяркам вообще запрещено жениться, они не могут вступать в связь с какой-либо женщиной другого ранга. Вследствие этого несколько мужчин всегда связаны с одной женщиной, и наяры никогда не смотрят на детей, рожденных от их наложниц, как на принадлежащих им, каково бы ни было сходство, и все наследство у наяров переходит к их братьям или сыновьям их сестер, рожденным от тех же матерей, причем родство считается только по женской линии. Этот странный закон, запрещающий брак, был установлен для того, чтобы они не могли иметь ни жен, ни детей, которым они могли бы отдать свою любовь и преданность, и чтобы, будучи свободны от всех семейных забот, они могли более охотно посвящать себя военному делу.⁴⁵

Продолжают привлекать к себе внимание наяры и новых путешественников, посещающих Индию в XVII веке, которые, однако, преимущественно повторяют старые версии, лишь иногда добавляя отдельные черты и толкования.

Так, путешествовавший в первой четверти XVII века римский патриций Пьетро делла Валле (1586—1652) сообщает, что знатные наяры не имеют собственных жен, но все женщины у них общие. Когда мужчина, имеющий связь с какой-либо из этих женщин, посещает ее, то оставляет перед дверью свое оружие, и в силу этого знака никто другой не входит пока первый находится там, и никто из них не имеет друг к другу никакой претензии или ревности. О детях не заботятся и часто не знают, от какого отца они происходят, считается только про-

⁴⁴ Записки Вартема напечатаны впервые в 1510 г. в Риме (Ramusio, vol. I, 4 ed., 1588).

⁴⁵ F. Lopes de Castanheda, *Historia de descobrimento e conquista da India pelos portugueses*, Coimbra, 1551—1561. Цит. по L. Moore, *Malabar law and custom*, 3 edition, Madras, 1905.

исхождение по женской линии от матери, по этой линии переходит все наследство и тем же порядком идет наследование трона. В другом месте, указывая, что во многих государствах этого берега Индии правят женщины, Валле отмечает, что трон наследуют здесь дочери либо иные наиболее близкие родственницы, независимо от того, от какого отца они рождены. Объясняется это тем, что, по распространенному здесь мнению, как оно и есть на самом деле, потомство женщин надежнее по крови, чем потомство мужчин.⁴⁶

Вслед за Валле французский путешественник Жан Тевено (1633—1667) в свою очередь сообщает, что у наяров сын не наследует своему отцу, потому что обычай позволяет женщине жить с несколькими мужчинами, так что нельзя знать, какому отцу принадлежит ребенок, и приходится при наследовании держаться ребенка сестры, ибо тут уж надежно, что он той же крови.⁴⁷

Наконец, нечто аналогичное с такой же интерпретацией пишет французский купец-путешественник Жан-Батист Тавернье (1605—1639) о туземном государстве на Борнео. Обитатели этого острова так заботятся о том, чтоб иметь законного наследника на троне, что, поскольку муж не уверен, что дети его жены — действительно его собственные, предпочитают быть управляемыми женщиной.⁴⁸

Из литературы XVIII века отметим по наярм новое и весьма существенное, сыгравшее в дальнейшей истории науки известную роль, показание английского офицера, пробовавшего долгое время в Индии, Александра Гамильтона (1765—1824). В общем, он повторяет уже знакомый нам рассказ, но, говоря, что каждая женщина у наяров может иметь одновременно до двенадцати мужей, Гамильтон, — насколько мы знаем, первый указывает, что в свою очередь и мужчины пользуются такими же правами. При этом, тогда как женщины ограничены указанным числом мужей, мужчины в этом отношении не ограничены.⁴⁹

Как видим, наяры привлекают к себе неизменное на протяжении пяти веков внимание, оставаясь вместе с тем почти единственным народом Востока, представляющим матриархат. Отметим, что все авторы говорят о многомужестве и только наконец Гамильтон — о другой стороне наярского брака, многоженстве. Между прочим, эти отзывы о наярх создали одно долго длившееся недоразумение, которое было наконец распутано, и брачный порядок наяров был наконец правильно истолкован. Сделано это было не кем иным, как только Энгельсом.

Что касается иных стран и народов Востока, то для них мы не находим никаких новых известий на интересующую нас тему в течение ряда веков. Некоторые новые сообщения относятся только к XVIII в.

Можно отметить отдельные указания, содержащиеся в собрании миссионерских описаний азиатских стран, изданном секретарем иезуитского ордена Жаном-Батистом Дю Гальдом (1674—1743). Таково указание, что по китайским законам безусловно воспрещается брак с родственниками по отцовской линии, хотя бы самой отдаленной степе-

⁴⁶ P. della Valle, *Viaggi descritti de lui medesimo in lettere familiari*, 3 vls, Venetia, 1650—1653; vol. III, India, let. 7, XV; let. 5, I. Мы пользовались изданием 1667 г.

⁴⁷ Первое издание описания путешествия Тевено вышло в 3-х т. т. под разными названиями в 1664—1684 гг. Мы пользовались изданием: J. Thevenot, *Voyages tant en Europe qu'en Asie et en Afrique*, 5 vls, Paris, 1689; см. vol. V.

⁴⁸ J. B. Tavernier, *Les six voyages en Turquie, en Perse et aux Indes pendant l'espace de quarante ans, etc.*, 2 vls, Paris, 1678; см. vol. II.

⁴⁹ A. Hamilton, *A new account of the East Indies, etc.*, 2 vls, Edinburgh, 1727; см. vol. I; 3 edition, London, 1744 (Цит. по J. J. Bachofen, *Antiquarische Briefe, etc.*, vol. I, Strassburg, 1880).

ни, сообщение о поселении мужа у жены на острове Формозе и первое, если не ошибаемся, в литературе указание на полиандрию в Тибете: женщина здесь может иметь несколько мужей, хотя бы это были братья, причем обычно они и бывают из одной семьи. Ламы объясняют существование этого порядка недостатком женщин.⁵⁰

Значительную роль в истории нашей проблемы сыграло, — однако много позднее, — сочинение английского колониального деятеля, Вильяма Марсдена (1754—1836), «История Суматры», давшее впервые вместе с описанием самого острова и довольно обстоятельные этнографические сведения об его населении. Марсден указал, между прочим, на существование у народов Суматры трех форм брака: покупного с его разновидностью — браком путем обмена женщинами, брака *setapdo*, при котором оба супруга сохраняют свою личную и имущественную самостоятельность, и брака *apbel apa*, при котором зять входит в семью жены и делается сам вместе со своим потомством как бы собственностью этой семьи, причем в случае развода, весьма легко достигаемого при данной форме, дети остаются в доме матери.⁵¹ Указание Марсдена на эту последнюю форму, вместе с данным термином, было использовано много времени спустя в трактовке проблемы матриархата.

III

Открытие Америки, наряду с тем глубоким влиянием, которое это событие произвело на экономику и различные стороны духовной культуры Европы, вместе с многосторонним расширением ее научного горизонта, открыло изумленной Европе и новый этнографический мир. Однако конкистадоры Америки в первую очередь и преимущественно заинтересовались теми развитыми туземными обществами Центральной и Южной Америки, с которыми им пришлось столкнуться на первых порах и в обладании которых они нашли главный объект своих исканий и вожделений — золото. Другие, отсталые народы тех же районов Америки привлекают к себе гораздо меньше внимания. С другой стороны, европейцев интересует неизмеримо больше самая страна как объект колонизации и колониальной эксплуатации и ее естественные богатства, чем ее бедные по своей материальной культуре туземцы. Играет здесь роль, конечно, и трудность знакомства с этими преимущественно непримиримыми племенами, и скоро обнаружившаяся безнадежность расчетов на то, что индейцев удастся обратить в колониальных рабов. Поэтому в ранних писаниях об Америке мы находим, вообще говоря, крайне незначительные сведения об ее народах, в особенности об их общественных формах и отношениях.

Ко всему в придачу, как эти наиболее ранние, так и последующие описания американских индейцев носят на себе одну специфическую печать.

Открытие Америки, а вместе с тем и нового этнографического мира сразу возрождает тот «примитивизм», который, как мы говорили, сложился в античную эпоху, с его противоположным и одновременно своеобразно сочетающимся представлением о первобытности и об отсталых народах. С открытием «нового света» американские индейцы становятся в глазах современного европейского мира подлинными представителями первобытного состояния человечества, причем, начиная уже с самых ранних литературных отзывов о них, отчетливо сказывается

⁵⁰ J. B. Du Halde, Description géographique, historique, chronologique, politique et phisique de l'empire de la Chine et de la Tartarie Chinoise, 4 vls, Paris, 1735; см. vls I, III, IV (Nouvelle édition, La Haye, 1736). Существует русский перевод первых двух томов: СПб., 1774—1777.

⁵¹ W. Marsden, The history of Sumatra, London, 1783; 3 edition, London, 1811.

двойственное направление взглядов. Одни авторы рисуют идеализированный образ первобытного человека, живущего в «естественном состоянии», исполненного всяческих добродетелей и пр., и создают широко распространенный во французской литературе XVI—XVIII вв. и ставший, можно сказать, классическим образ «доброго дикаря» (*le bon sauvage*), другие склонны подчеркивать крайнюю отсталость, жестокость, «звериное состояние» индейцев, в частности неограниченную власть мужа, рабское положение женщины и пр. Сказывается здесь, конечно, и то, что эти авторы смотрят на индейцев сквозь призму своих общественных предрассудков. Наконец, не остается без влияния и патриархальная теория: те матриархальные черты, которые среди американских индейцев в ту пору еще широко были распространены и могли бы быть описаны, не замечаются, остаются непонятыми или игнорируются.

Но, как было сказано, этнография Америки развивается первоначально очень медленно, и в описаниях Южной и Центральной Америки, относящихся к XVI и началу XVII вв., материал, нас интересующий, встречается вообще лишь sporadически. Так, один из конкистадоров XVI века, фламандец Педро де Магальянес де Гандаво (род. в 1540 г.), бывший в Бразилии около 1572 г., сообщая некоторые любопытные этнографические данные, говорит, между прочим, об обыкновении туземцев жениться на племянницах, дочерях сестер или братьев. У него же находим и раннее известие о куваде в Америке: муж роженницы ложится в гамак и за ним ухаживают так, как будто он родил ребенка.⁵²

В первой четверти XVII века начинается усиленное проникновение преимущественно французов и англичан в районы Канады и современных Северо-Американских Соединенных Штатов. И здесь, вместе с открываемой новой громадной страной, открывается и новый своеобразный этнографический мир. Одними из первых индейских племен, с которыми сталкиваются здесь европейцы, оказываются гуроны и ирокезы. Этим племенам, в особенности последнему, пришлось с течением времени сыграть исключительную роль в истории нашей проблемы. Так, к нациям Индии присоединяется, постепенно все более четко обрисовываясь, новый конкретный образец матриархального общества. Уже в наиболее ранних описаниях страны появляются отдельные указания на матриархальные порядки. Один из знаменитых основателей французского колониального владычества в Северной Америке, Самуил Шамплен (ум. в 1635 г.), совершивший несколько путешествий в Канаду, отмечает, что наследование у туземцев Канады, как в имуществе, так и в ранге вождя, идет не к детям, а к сестринным племянникам, ибо это — дело «более надежное», и связывает данный порядок с господствующими здесь свободными отношениями.⁵³

С 1611 г. в Канаде появляются миссионеры-иезуиты, к которым затем присоединяются представители и других миссионерских организаций. Эти люди начинают усиленно заниматься изучением страны и ее

⁵² P. de Magalhães de Gandavo, *Historia da provincia de Santa Cruz, Lisboa, 1576*; англ. перевод: *The histories of Brazil, 2 vls, New York, 1912* (H. Ternaux-Compins, *Voyages, relations et mémoires originaux pour servir à l'histoire de la découverte de l'Amérique, vol. II, Paris, 1837*).

⁵³ S. Champlin, *Voyages et découvertes faites en la Nouvelle France depuis l'année 1615 jusque à la fin de l'année 1618, etc., Paris, 1620*. Это — описание одного из путешествий Шамплена. Описание первого путешествия вышло в 1603 г., описание всех путешествий — в 1632 г. Полное издание: S. Champlin, *Oeuvres, Ed. par G. H. Laverdière, 6 vls, Quebec, 1870*. За исключением цитированного, прочие издания Шамплена остались нам недоступными.

народов, но и здесь интерес к самой стране, к ее естественным производительным силам явно преобладает.

Такой характер преимущественно носит сочинение французского миссионера Габриэля-Теода Сагара (годы рождения и смерти неизвестны) «Большое путешествие в страну гуронов». Сагар приехал в Канаду в 1623 г. и пробыл здесь всего десять месяцев, но успел совершить путешествие в глубь страны и собрать довольно обширный материал, частично используя и существовавшую уже литературу. Наряду с подробным описанием страны, Сагар дает первое разностороннее описание гуронов, их материальной культуры, хозяйства, общественных отношений, церемоний, обрядов, верований и пр. Автор отмечает господствующие в этом обществе элементы первобытного коммунизма, на который европейские наблюдатели не могли не обратить уже очень рано своего изумленного внимания.⁵⁴ Сагар описывает коллективные формы труда, гостеприимство и пр. и, между прочим, дает одно из первых описаний характерного жилища гуронов, ставшего знаменитым «длинного дома». В области брачных отношений Сагар отмечает свободу, которой пользуется молодежь, и практикуемые здесь временные сожителства, некоторую самостоятельность женщин при заключении брака, вместе с непрочностью и легкой расторгимостью самого брака. Отмечая, что брак начинается с того, что молодой человек три — четыре ночи проводит с девушкой в ее доме, Сагар дает, насколько мы знаем, первое свидетельство о порядке, получившем впоследствии наименование матрилокального поселения. Наконец, у того же автора находим замечание, что у гуронов существует обычай, наблюдаемый, говорит Сагар, и во многих других местах Америки, а именно, в имуществе отца наследуют не родные дети, а дети сестер.⁵⁵

Важнейшим источником сведений по истории северо-американских индейцев в XVII веке являются донесения, или реляции, французских миссионеров-иезуитов, выходившие ежегодно с 1632 по 1673 г. Публиковавшиеся иезуитским центром в Париже в целях рекламы и привлечения пожертвований, реляции эти раньше всего заняты рассказами о «подвигах» иезуитов в дикой стране и среди ее «диких» обитателей. При описании же туземных народов больше всего внимание авторов привлекает религия и меньше всего — общественный строй. В этой области невежественные иезуиты весьма слабо разбираются и лишь нередко подчеркивают господствующие среди индейцев гостеприимство и взаимопомощь. Описания брачных и семейных отношений дают преимущественно трафаретные отзывы о «рабстве» женщины и пр. В громадной массе этих писаний встречается лишь очень немного интересных для нас показаний. Реляция 1636 г. дает первое, насколько мы знаем, в этнографии Америки указание на экзогамию. «В браке, — говорит эта реляция о гуронах, — они соблюдают замечательный порядок, а именно, они никогда не вступают в брак с каким бы то ни было

⁵⁴ Уже Жак Картье (1491—1557), первый основатель французской колонии в Канаде, говорит, что туземцы этой страны живут, имея общее имущество (*en communauté de biens*). См. рассказ о первом (1534 г.) путешествии Картье, напечатанный впервые в 1556 г. на итальянском языке в переводе с неизвестного оригинала, в собрании Рамузио: Ramusio, op. cit., vol. III; французский перевод с этого текста: *Discours du voyage fait par le capitain J. Cartié aux terres neuves de Canada, etc.*, Rouen, 1598. В издании другого текста этого же описания: *Relation originale de voyage, etc.*, publié par H. Michelaut et A. Ramé, Paris, 1867, этого места нет. Но то же замечание повторяется в описании второго путешествия Картье (1535 г.): *Brief récit et succincte narration de la navigation, etc.*, Paris, 1545 (réimpression par D'Avezac, Paris, 1863).

⁵⁵ G.-Th. Sagard, *Le grand voyage du pays des hurons, etc.*, Paris, 1632 (Nouvelle édition, Paris, 1865). Это сочинение, с незначительными добавлениями, было включено автором в его новую книгу: *Histoire du Canada et voyages que les frères mineurs Récollets y ont fait, etc.*, Paris, 1636; переиздание: Paris, 1866.

родственником в какой-либо степени родства, прямой или боковой». Аналогичные указания об экзогамии встречаются затем и в последующих реляциях. Мы находим под тем же годом и указание на то, что ранг вождя наследуется у гуронов обычно не детьми, а племянниками умершего. Другое примечательное показание, относящееся к ирокезам, появляется в реляции за 1656—1657 гг. «Брак,—рассказывается здесь,—состоит у них только в общности ложа. Каждый из супругов проводит день со своими родными. Жена приходит к своему мужу ночью и рано утром на следующий день возвращается в дом своей матери или своих ближайших родственников, и муж не смеет входить в хижину жены до тех пор, пока жена не родит от него детей. Общность имущества супругов состоит только в том, что муж отдает всю добычу своей охоты жене, которая в свою очередь оказывает ему некоторые услуги, обязана засеивать его землю и собирать урожай». ⁵⁶ Мы имеем здесь первое в литературе указание на тот брачный порядок, который на протяжении всей истории нашей науки не обратил на себя внимания, хотя на деле оказывается далеко не исключительным, и лишь автором настоящей работы был охарактеризован под предложенным им наименованием дислокального брака.

Несколько любопытных черт присоединяет к имеющимся уже показаниям французский колонист и покоритель индейцев Пьер Буше (ум. в 1717 г.). В составленном им описании Канады и ее туземных обитателей две главы специально посвящены гуронам и ирокезам. Буше подчеркивает различие в общественном строе названных племен и алгонкинов, отмечает, между прочим, наличие у ирокезов большого числа рабов, мужчин и женщин, говорит о разделении труда: мужчины лишь расчищают участок, женщины сеют и выполняют все остальные земледельческие работы вплоть до сбора урожая. О браке и семейных отношениях Буше говорит следующее. Господствует единоженство и редко кто имеет две жены; муж поселяется в доме жены; разводы очень легки: если жена желает расстаться со своим мужем, то ей достаточно только сказать ему, чтоб он покинул ее дом, и тот удаляется без споров; если муж захочет расторгнуть брак, то он просто уходит, заявив, что покидает жену. Дети всегда остаются у матери и принадлежат ей. ⁵⁷

Лишь следующий интересный отзыв об ирокезах находим мы в книжке французского миссионера Луи Эннепена (1640—1710), пробовавшего в Северной Америке с 1675 по 1682 г. и совершившего большое путешествие по Миссисипи. «Вся пища у ирокезов,—говорит автор,—общая. Наиболее старые женщины их домов распределяют ее соответственно возрасту членов семей. Они дают есть всем, кто бы не оказался у них в то время, когда они едят. Они готовы скорей голодать целый день, чем отпустить кого бы то не было и не дать ему того, что имеют сами». ⁵⁸

⁵⁶ Первоначальное издание иезуитских реляций из Северной Америки, выходившее ежегодно с 1632 по 1673 г. в Париже, составляет 40 томов. Переиздано в 1858 г. в Квебеке и вновь переиздано R. G. Thwaites'ом в весьма расширенном виде, с дополнением до того неопубликованных аналогичных документов, в 73 т.т. под заглавием: *The jesuits relations, etc.*, Cleveland, 1896—1901 (E. Kenton, ed., *The jesuit relations and allied documents, Travels and explorations of the jesuit missionaries in New France, 1610—1791*, edited by R. G. Thwaites, 2 vls, New York, 1927).

⁵⁷ P. Boucher, *Histoire veritable et naturelle des moeurs et productions du pays de la Nouvelle France, vulgairement dite le Canada*, Paris, 1664; пять переизданий (Reédition in: *Proceedings and Transactions of the R. Society of Canada*, 2 Series, vol. II, 1896, pp. 99—168).

⁵⁸ L. Hennepin, *Description de la Louisiane, etc.*, Paris, 1683; ряд отчасти дополненных переизданий (*Voyage curieux qui contient une nouvelle decouverte d'un très grand pays entre le Nouveau Mexique et la Mer Glaciale, etc.*, La Haye, 1704).

XVIII век характеризуется, можно сказать, расцветом того идеализирующего индейцев направления, о котором мы говорили выше. Соответствующие отрицательные характеристики составляют в эту эпоху редкость и звучат своего рода диссонансом. Таков отзыв французского монаха Жана-Батиста Лаба (1663—1738), совершившего путешествие на Антильские острова. В своем довольно подробном рассказе о караибах Лаба отмечает ряд черт брачных и семейных отношений, сговор малолетних, многоженство, при котором три-четыре жены являются сестрами друг друга и одновременно кузинами мужа, либо его племянницами, и пр. Вместе с тем Лаба усиленно подчеркивает, что жены у караибов — бессловесные служанки своих мужей, что мужья, будучи полными господами своих жен, убивают их из-за сущего пустяка и т. д. Достаточно указать на то, говорит Лаба, что жены и мужья не едят вместе, чтоб вся картина положения женщины у караибов была ясна.⁵⁹

Типическими для этнографии XVIII века являются писания французского приключенца Луи-Армана Лаонтана (1666—1715), чей рассказ о путешествии в Канаду и, в особенности, знаменитые «Диалоги автора с американским дикарем» оказали особо значительное влияние на развитие теории «доброго дикаря». Однако, описывая в сугубо идеализирующих тонах гуронов, Лаонтан ничего не прибавляет к известной уже литературе характеристике их матриархальных отношений, стоя в этом смысле значительно ниже своих предшественников XVII века. Лаонтан лишь вскользь отмечает временное матриликальное поселение и матрилинейную филиацию.⁶⁰

На охарактеризованном фоне выдающееся явление представляет собой книга начитанного французского миссионера Жозефа-Франсуа Лафито (1670—1740) «Обычаи американских дикарей в сравнении с обычаями древних времен». Сочинение это — первая, оставшаяся на долгие годы в своем роде единственной, попытка дать общую сводку современных сведений по этнографии туземной Америки. Но Лафито ставит себе, как это видно из самого заглавия его книги, одновременно и другую цель.

Уже до Лафито в описаниях американских индейцев практиковалось сравнение этих «дикарей» с народами античной древности. Предшественником Лафито в этом отношении является французский адвокат-приключенец Марк Лескарбо (1580—1630), побывавший в Канаде в 1606—1607 гг. и написавший «Историю Новой Франции». Особая часть этого сочинения озаглавлена: «Нравы, обычаи и образ жизни западных индейцев Новой Франции в сравнении с тем же древних народов по сю сторону».⁶¹

В сочинении Лафито указанное сравнение проходит красной нитью через все изложение, причем автор подчеркивает, что придает этому приему особое, можно сказать, методологическое значение. «Я искал, — говорит он, — в этих обычаях следов самой отдаленной древности... я сравнивал эти обычаи между собой... обычаи дикарей дали мне воз-

⁵⁹ J.-B. Labat, Nouveau voyage aux îles de l'Amérique, contenant l'histoire naturelle de ces pays, l'origine, les mœurs, la religion et le gouvernement des habitants anciens et modernes, etc., 6 vls, Paris, 1713 (Paris, 1722); см. vls II и IV.

⁶⁰ L.-A. Lahontan, Nouveau voyage dans l'Amérique Septentrionale de 1663 à 1694, 2 vls, La Haye, 1703 (Новейшее издание: Dialogues curieux entre l'auteur et un sauvage de bon sens qui a voyagé et Mémoires de l'Amérique Septentrionale, Publié par G. Chinard, Paris, 1931).

⁶¹ M. Lescarbot, Histoire de la Nouvelle France, etc., Paris, 1609; три переиздания в 1612, 1617 и 1618 гг. Судя по библиографическим описаниям, во втором издании книги Лескарбо названная часть его сочинения значительно расширена. Эти последующие издания остались нам, однако, недоступными. Отметим, что Лескарбо в использованном нами первом издании своей книги ни словом не упоминает о матриархальных порядках.

возможность легче понимать и объяснить многое, содержащееся у античных авторов». Таким образом, Лафито может считаться родоначальником сравнительного метода в этнографии.

Однако наиболее важную часть сочинения Лафито, часть историческое значение которой было признано лишь много времени спустя, составляет содержащееся здесь описание ирокезов и гуронов, основанное как на личных наблюдениях в течение его пятилетнего пребывания в Канаде, так и на сообщениях другого французского миссионера, Гарнье, прожившего в Канаде свыше шестидесяти лет и свободно владевшего туземными языками.

При всех недостатках, свойственных его личности, его общественной среде, равно как и научному уровню того времени, Лафито — первый, кто, описывая ирокезов и гуронов, нарисовал довольно отчетливую картину родового строя и первобытно-общинных отношений в данном обществе и вместе с тем первый, кто, путем сравнения, признал этот строй широко распространенным, даже универсальным для первобытности. Лафито указал, между прочим, на то, что ирокезы и гуроны делятся на три рода: Волка, Медведя и Черепахи, и, отождествляя эти формы с родами народов античности, привел соответствующие параллели — деления на три рода и у античных народов. Лафито же первый отметил ту своеобразную терминологию родства ирокезов и гуронов, которая впоследствии обратила на себя внимание Л. Г. Моргана, была названа им классификационной и заняла столь значительное место в науке о первобытности. «У ирокезов и гуронов, — писал Лафито, — все дети одного дома считают всех сестер своей матери своими матерями, а всех братьев своей матери — своими дядями. На том же основании они называют отцами всех братьев своего отца и тетками — всех сестер отца. Все дети одной матери и ее сестер, равно как и дети одного отца и его братьев, считают друг друга братьями и сестрами. Что же касается детей их дядей и теток, т. е. братьев их матери и сестер их отца, то их они считают только кузенами».

Знакомство с общественным строем ирокезов и гуронов привело Лафито к убеждению, что они являют собой образец той гинекократии, о которой рассказывали античные писатели как о строе, свойственном некоторым народам древности, в частности, ликийцам. Непосредственное наблюдение и авторская добросовестность заставляют Лафито видеть в общественных формах и отношениях ирокезов и гуронов не случайность или курьез, а подлинную и конкретную действительность, не отдельные черты, а цельный общественный строй. «Нет ничего более реального, — говорит он, — чем это преобладание женщин. Именно женщины, собственно говоря, определяют нацию, благородство происхождения, генеалогическое дерево, порядок поколений и строй семей. В их руках вся действительная власть: земля, поля и весь урожай принадлежат им. Они являются душой советов, решают вопросы о мире и войне, они хранят общественную казну, они владеют рабами, они заключают браки, дети принадлежат им, на их крови основывается порядок наследования. Мужчины, напротив, совершенно изолированы и ограничены, их дети им чужие, с ними все прекращается, женщина одна владеет хижинкой... и хотя, в виде оказания чести, вожди выбираются из мужчин, а дела обсуждаются советом стариков, они не действуют за свой счет: по всем видимостям они существуют лишь для того, чтоб представлять женщин и помогать им в тех делах, где присутствие не позволяет женщинам появляться и действовать».

В этих строках Лафито дал первую в истории этнографии, хоть и краткую, но достаточно содержательную, а главное, — добросовестную и непредубежденную, характеристику конкретного образца матриархаль-

ного общества. Увы, эта характеристика осталась почти единственной в своем роде.

Делает Лафито и попытку объяснить происхождение этой североамериканской «гинекокрации». Неуверенно, правда, Лафито готов приписать американским индейцам европейское происхождение и, основываясь именно на наличии у них гинекократического строя, считать их потомками ликийцев. Лафито не останавливается и перед более широким обобщением. «Гинекокрация или господство женщин,— пишет он,— бывшая основанием государства ликийцев, вполне могла быть некогда свойственной почти всем варварским народам Греции».⁶²

Беря последующих, после Лафито, авторов, писавших о тех же народах, мы встречаемся с совершенно иной позицией, иным освещением фактов. Обширная монография о Канаде или «Новой Франции» ученого иезуита Франсуа-Ксавье Шарльвуа (1682—1761) дает преимущественно компиляцию всего накопившегося к тому времени литературного материала, в том числе и описания Лафито, присоединяя отчасти и непосредственные наблюдения автора. Шарльвуа отмечает отдельные матриархальные порядки у ирокезов и гуронов: наследование ранга вождя по женской линии, принадлежность детей матери и пр. Но, говоря о влиянии женщин у гуронов, Шарльвуа подчеркивает, что влияние это остается только *de jure*, на деле же не так, и женщины лишь предварительно обсуждают дела и дают указания мужчинам, представляющим их в совете. Точно так же, хотя отец остается чужим своим детям, он все же почитается как «хозяин хижины». Мы находим у Шарльвуа беглые указания на матриархальные черты и у других североамериканских народов: матриликальное поселение до момента рождения ребенка у восточных алгонкинов, преобладание жены в супружеских отношениях, влиятельное вообще положение женщины и существование женщин-вождей у племени наче, и т. д. В свою очередь повторяет Шарльвуа указания Лафито на деление как ирокезов и гуронов, так и других североамериканских племен на экзогамные, носящие имена животных, роды.⁶³ Еще менее значительные и опять-таки не новые данные о матриархате ирокезов сообщает немецкий миссионер Георг Гейнрих Лоскиель (1740—1814) в своей истории евангелической миссии в Северной Америке. Характерно указание Лоскиеля на то, что положение женщин у ирокезов хуже, чем у племени делаваров.⁶⁴

Таковы интересующие нас, как видим, довольно обильные данные, накопившиеся со времени открытия Америки и до XVIII в. включительно.

Другой материк, представляющий собой еще один обширнейший этнографический мир,— Африка, оставался, как известно, если не говорить о его побережьях, совершенно неисследованным вплоть до середины XIX в. и таким образом в течение изучаемого нами периода не прибавил, можно сказать, ничего на тему о матриархате. Из старой литературы по Африке мы можем отметить только компилятивное описание ее, сделанное голландским географом Ольфертом Даппером (ум. в 1690 г.) и остававшееся в течение долгого времени основным источником сведений о «черном материке». Здесь сообщается о существовании в некоторых туземных государствах женского правления, о

⁶² J.-F. Lafitau, *Moeurs des sauvages amériquaines, comparées aux mœurs des premiers temps*, 2 vls, Paris, 1724.

⁶³ F.-X. Charlevoix, *Histoire et description générale de la Nouvelle France*, etc., 3 vls, Paris, 1744; см. vol. III.

⁶⁴ G. H. Loskiel, *Geschichte der Mission der evangelischen Brüder unter den Indianern in Nordamerika*, Barby, 1789.

переходе престола по женской линии, об особом уважении, с которым вообще относятся к женщинам, о наследовании детьми общественного положения матери и проч.⁶⁵

Остается пока неизведанным и еще один великий этнографический мир — Океания с Австралией. И здесь мы отметим только обративший на себя внимание и не раз затем цитировавшийся рассказ французского миссионера Шарля Легобиен (1653—1708). В своей «Истории Марианских островов» автор сообщает, что на Марианах женщины пользуются полной свободой и являются полными хозяйками. В случае измены жены муж не смеет ее тронуть даже пальцем и может только покинуть ее. Если, наоборот, жена заподозрит в неверности мужа, то собирает всех женщин, они толпой отправляются к месту жилья мужа, истребляют все его посевы, деревья и проч. и выгоняют мужа из дома. Отцу наследуют здесь не дети, а братья и племянники.⁶⁶

С началом XVIII века в орбиту этнографии входит обширная область восточноевропейского и азиатского Севера, вплоть до далекой, лишь недавно открытой Камчатки. Вместе с тем эта область становится новым источником сведений о матриархальных порядках. Здесь свой и весьма значительный вклад как в этнографию вообще, так и в историю нашей проблемы делает русская наука.

Обильный и ценнейший этнографический материал был собран знаменитой, снаряженной по мысли Петра Великого Русской Академией Наук, так называемой Великой Северной или Первой Академической экспедицией (1733—1743). Участники этой экспедиции Г. Ф. Миллер (1705—1783) и И. Г. Гмелин (1709—1755) впервые отметили существование рода и родовой экзогамии у различных народов Сибири. Особое значение с точки зрения истории нашей проблемы имела работа отдельного отряда этой экспедиции, впервые исследовавшего Камчатку. Участник этого отряда, тогда еще студент, впоследствии академик Степан Петрович Крашенинников (1713—1755), описывая быт камчадалов (ительменов), сообщил впервые о порядке, который получил название «отработки» жены, представляя собой на деле вид матрилокального поселения.⁶⁷ Ряд ценных указаний содержится в описании Камчатки и другого участника того же отряда, Георга-Вильгельма Стеллера (1709—1746). Автор отмечает крайнюю свободу отношений молодежи, формы сорората, гостеприимный гетеризм, непрочность брака, обмен женами, матрилокальное поселение и проч. и дает более подробное описание помянутой «отработки» и сопровождающих ее церемоний. Мы находим у Стеллера своеобразную характеристику супружеских отношений камчадалов. Мужья, рассказывает Стеллер, здесь так нежно любят и почитают своих жен, что не могут без них жить. Любовь эта доводит их до того, что мужья становятся усерднейшими слугами и рабами своих жен. Жена является главой хозяйства,

⁶⁵ Сочинение Дампера напечатано впервые на голландском языке в 1668 г. Мы пользовались изданием: O. Dapper, *Umständliche und eigentliche Beschreibung von Afrika, etc., Aus unterschiedlichen neuen Land- und Reisebeschreibungen mit stets zusammen gebracht*, Amsterdam, 1671; выписки из текста Дампера см. также в сводке: J. Kohler, *Zur Rechtsgeschichte Afrikas, I, Aus altholländischen Berichten*, von M. Schmidt. — «Zeitschrift für vergleichende Rechtswissenschaft», 30, 1913.

⁶⁶ Ch. Legobien, *Histoire des isles Mariannes*, 2 vis Paris, 1700—1701; см. vol. II.

⁶⁷ С. П. Крашенинников, *Описание земли Камчатки*, 2 тт., СПб., 1755; 2 издание: СПб., 1786; новое издание «с примечаниями, изъяснениями и дополнениями»: Полное собрание ученых путешествий по России, изд. Академией Наук, т. I—II, СПб., 1818—1819. Переведено на французский, английский, голландский и немецкий языки. — О Крашенинникове см.: Памяти С. П. Крашенинникова, Сборник статей к 225-летию со дня рождения («Советский Север», 1939, 2), Ленинград, 1939.

в ее ведении находятся все запасы, а муж готовит пищу и работает на нее. Если муж в чем-нибудь провинится, жена отказывает ему в своих милостях и не дает табака, так что мужу приходится выпрашивать то и другое с великими мольбами, ласками и улещиванием.⁶⁸

Новый крупный вклад как в этнографию, так и в историю нашей проблемы сделан был вторым грандиозным русским географическим и этнографическим предприятием — Второй Академической экспедицией (1768—1774). Участники этой экспедиции П. С. Паллас (1741—1811) и И. Г. Георги (1729—1802) в свою очередь отмечают наличие родовых делений у народов Сибири, причем последний дает подробное перечисление родов тунгусов (эвенков), характеризуя и некоторые стороны родовых отношений, упоминает о временном матрилокальном поселении и проч. Весьма ценные сведения сообщил другой участник этой экспедиции, тогда еще студент, впоследствии академик, Василий Федорович Зуев (1754—1794), сопровождавший Палласа и совершивший в 1771 г. самостоятельное путешествие по р. Оби. Характеризуя брачные обычаи остяков, обитающих южнее г. Березова, Зуев, между прочим, писал: «Они берут и снох и мачих и падчериц и других родных со стороны жениной. Наиболее берут сестер из той фамилии, из которой взята первая его жена... Напротив того, за грех и стыд у них считается взять в жену из того же роду и прозвища: ибо они считают роды только по мужчинам, и потому если девка вышла за кого из другого роду и родила дочь, то брат ее или его дети первый — к племяннице, другие — к двоюродной сестре прямо безо всего могут свататься. Коротко, все свадьбы у них позволены, лишь бы жених и невеста не одним именем именовались». В этой характеристике Зуев не только отметил существование у остяков родовой экзогамии, кузенного брака и брака с племянницами, но и впервые в литературе констатировал ту особую архаическую черту экзогамии, по которой два определенных рода связываются взаимнобрачными отношениями, — порядок, впоследствии получивший наименование дуальной экзогамии. Мы находим у Зуева и указания на различные формы левирата и сорората и в свою очередь первое указание на особый порядок женитьбы «на выплату», с посещениями невесты, представляющий собой форму дислокального брака.⁶⁹

Указания на экзогамию, причем с различением отцовского и материнского рода, делают и другие русские путешественники и наблюдатели XVIII в. Так, Николай Яковлевич Озерецковский (1750—1827), тогда еще воспитанник академической гимназии, впоследствии академик, совершивший в 1772 г. путешествие в районе Белого моря, сообщал, что у ненцев (самоедов) «из отцовского рода ни сын, ни внук взять за себя жены не может, хотя бы девица в дальнейшем колене им причиталась, напротив того, материн род не уважается, и сын может жениться на сестре своей матери».⁷⁰ Любопытное указание на те же

⁶⁸ G. W. Steller, Beschreibung von dem Lande Kamtschatka, etc., Hrgg. von J.B.S., Frankfurt und Leipzig, 1774.

⁶⁹ К сожалению полное описание путешествия Зуева, имеющего все права на выдающееся место в истории русской этнографии, остается неизданным. Незавидна судьба этого описания: неполностью оно было включено в текст книги: P. S. Pallas, Reise durch verschiedene Provinzen des russischen Reich, 5 vis. St. Petersburg, 1771—1776; см. т. III, стр. 15—93; русский текст: П. С. Паллас, Путешествие по разным провинциям Российской империи, Перевод Ф. Томаевского и В. Зуева, 5 тт., СПб., 1773—1788; см. т. III, 1788, стр. 38—93, где содержатся все упомянутые нами сообщения Зуева.

⁷⁰ Эти замечания находятся в описании путешествия Озерецковского, присоединенном к изданной им последней, оставшейся незаконченной, части описания путешествия И. И. Лепехина: Путешествие академика И. И. Лепехина, часть IV, в 1772 г., СПб., 1805, см. стр. 116.

порядки ненцев содержится в материалах, собранных в 1785 г. командированными из Архангельска «в Самоедскую землю» ассессором Андреем Трепицыным и регистратором Степаном Зуевым. «Правила запрещенного супружества,— говорится здесь,— заключаются у самоедов в поколениях, заимствующих происхождение от одного главного рода; например, Логей и Тисьи, хотя и суть два рода, однако; один от другого происходящие, почему и не может самоедин одного которого нибудь из сих родов поять жену в другом, почитая сие за кровосмешение, но женится всегда в другом роде, не имеющем с ними родства по происхождению. И таким образом часто случается, что у матерна рода, который по оному обычаю остается чужим, берут самую ближайшую родственницу, чего в отцовском роде, хотя бы никакого уже родства не было, совсем не делают». ⁷¹

В XVIII в. возникает новое литературное явление, которое должно стать новым источником и распространителем информации о матриархате. Это — нечто вроде всемирной этнографии — заимствованное из различных источников, преимущественно из отчетов путешественников, описание обычаев, нравов и пр. различных народов и стран. Одной из первых публикаций подобного рода является обширное сочинение французского литератора Андре Гюйома Контан-Дорвиля (1730—1800) «История различных народов мира», и т. д. Мы находим в этом собрании ряд, — который, впрочем, мог бы быть гораздо более полным, — сообщений о матриархальных порядках разных народов, уже нам известных по первоисточникам. ⁷²

Нам остается к сделанному нами обзору накопления этнографических показаний о матриархате присоединить краткую справку о происшедшем в течение средних веков значительном расширении известий об амазонках.

Если, как было сказано, античные сообщения о матриархальных порядках совершенно не воспроизводятся в средневековой литературе, то известия об амазонках привлекают к себе живейшее внимание, воспроизводясь и компилируясь сначала византийскими и раннехристианскими авторами, Орозием, Иорданом, Георгием Амартолом, от которого амазонская легенда попадает в древнюю русскую летопись, Зонарой и др., распространяясь многочисленными пересказами и переложениями «Псевдо-Калисфена», а затем — более поздними авторами средневековья — Аквинатом, Латино, Пикколомини и др.

Оказывается, однако, что амазонки существовали не только в странах античного мира, но и в самой Западной Европе. Первое известие об этих европейских амазонках сообщает Павел Дьякон; затем Козьма Пращский и так называемая Хроника Далимила рассказывают об амазонках древней Чехии. Особым районом местонахождения амазонок оказывается Балтика, в соседстве с Россией, о чем впервые сообщает Ибрахим ибн-Якуб, в передаче ал-Бекри, затем арабы Захария Казвини и Идриси, за ними — Адам Бременский и др.

Весьма древним очагом амазонской легенды является Китай, где эта легенда получила литературное отражение значительно раньше, чем в Западной Европе. Различные, правда, особо своеобразные, варианты

⁷¹ Вопросы и ответы вообще касательно как до Канинских и Тиманских, так и до Пусторецких, Устьимлянских и Ижемских самоедов (Сообщено известным архангельским краеведом и историком В. В. Крестининым), — «Новые ежемесячные сочинения», 1787, февраль; перепечатано Озерцовским в приложении к названному выше изданию ч. IV «Путешествия» Лепехина.

⁷² [A.-G.] Contant Dorville, Histoire des différens peuples du monde, contenant les cérémonies religieuses et civiles, l'origine des religions, leurs sectes et superstitions et les moeurs et usages de chaque nation, 6 vls, Paris, 1761 (Paris. 1770—1772).

этой легенды воспроизводились в Китае и Японии на протяжении многих веков. Любопытнейшим образом китайские версии амазонской легенды проникают в иноземную по отношению к Китаю литературу, сначала арабскую, затем и западноевропейскую, соединяясь с античными версиями. В ряде известий восточные амазонки локализуются в особенности в районе Индийского океана (Поло, Конти, Пигафетта и др.).

Известия об амазонках приходят и из Африки, причем первыми вестниками являются и здесь арабы (Ауфи, Хамд Аллах Казвини, Макризи), затем португальцы и др.

Но самым обильным источником новых известий об амазонках становится Южная Америка, и сенсационные сведения отсюда непрерывно, начиная с самого Колумба, поставляет длинный ряд путешественников, в разнообразных, иногда весьма подробных, всегда эффектных, рассказах (Мартир, Орельяна, Шмидель, Гандаво, Рали, Акунья и др.). Отметим особо рассказ французского астронома-академика Ла Кондамина, совершившего большое путешествие по Южной Америке в 1735—1745 гг. Выразив сомнение в том, что амазонки сохранились в Америке до настоящего времени, Кондамин не сомневается, что такая «республика женщин» существовала в прошлом, и если амазонки существовали вообще, то это было именно в Америке, где жалкая судьба женщин могла дать им мысль уйти из-под ига своих мужей-тиранов и жить независимо. Это своеобразное соображение Кондамина, отражающее, быть может, реминисценцию одной из античных версий (Помпея Трога), было воспринято последующей трактовкой амазонской легенды.

Наконец, вслед за античной традицией, ряд путешественников ищет и большей частью находит амазонок и на Кавказе (Олеарий, Ламберти, Шарден, Моттре, Шобер, Рейнегс, Паллас, Потоцкий).

Разительную черту всех этих на протяжении всего средневековья, вплоть до XVIII века включительно, идущих и умножающихся, расширившихся, как видим, чуть ли не по всему географическому миру, сообщений об амазонках составляет то, что все без исключения авторы преподносят свои известия как совершенно достоверные, ни в коей мере не сомневаясь в подлинном существовании этого народа женщин, хотя ни одному из них не доводилось этих амазонок видеть.

С конца XVIII в. возникает и специальная литература по вопросу об амазонках, как в общих сочинениях, так и в виде специальных, этой теме посвященных, трактатов, соединяющих с материалом античным и новые, по мере их накопления, данные. В свою очередь почти все авторы этих рассуждений, Пти, Ле Жандр, наш Василий Тредьяковский, Гюйон, Фрере и др., принимают амазонок за историческую, — что касается античных сообщений, — и современную этнографическую реальность.

Перед нами прошел длинный ряд веков, знаменующихся с точки зрения истории нашей проблемы медленным, но все расширяющим свой географический охват, все увеличивающим свои размеры, становящимся все более разнообразным и, наконец, все более содержательным, накоплением фактического материала, прямых указаний на особые, архаические общественные формы и отношения, нередко прямо говорящие о матриархате. Накапливаемый материал становится уже не разрозненным, а, повторяясь иногда в совершенно аналогичных формах, иногда в вариантах, слагается в определенную связность, систему. Немаловажное значение имеет то обстоятельство, что, наряду с пока-

заниями об отдельных матриархальных чертах и порядках, обрисовываются уже и более или менее очерченные конкретные примеры обществ, воплощающих и представляющих матриархальный строй: наяры и ирокезы с гуронами.

Наконец, в лице Лафито проблема матриархата достигает для начала XVIII в. своей вершины, подходя, путем сопоставления и сближения ирокезов с народами античного мира, к первому, можно сказать, гениальному, прозрению.

Все это угрожающе подымается против пока еще стойко и непререкаемо господствующей патриархальной теории.
